

свиней, павшихъ во время перевозки. Ихъ оставляютъ такъ, потому что уборка дорого стоитъ. Синклеръ рассказываетъ, что палыхъ животныхъ смѣшиваютъ съ убитыми. Бойни строились, не считаясь съ требованіями свѣта и воздуха; за исключеніемъ мастерскихъ, расположенныхъ въ верхнихъ этажахъ, все остальное темно и сыро: требуется искусственное освѣщеніе все время, пока работаютъ. Въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ не имѣется наружныхъ оконъ. Другія зданія, хотя и большія, помѣстительныя, полны воздуха, тѣмъ не менѣе до такой степени загажены, до того грязны, что и тамъ нуженъ электрический свѣтъ. Нѣтъ систематической вентиляціи. Рабочіе вынуждены работать въ тяжелой парной атмосферѣ, сдобренной вонью гнющаго дерева, испорченнаго мяса и остатковъ въ состояніи разложенія. Огромные столы, на которыхъ рабочіе манипулируютъ надъ мясомъ, тачки, посуда, лохани—въ большинствѣ случаевъ изъ дерева. Стѣны покрыты слоями жира, запачканы кусками мяса. Лопаты деревянные, топоры, ножи, пилы въ дурномъ состояніи, не поддающемся чисткѣ. Особенную небрежность и полную безпечность съ точки зрѣнія гигиены являютъ собою отхожія мѣста и ихъ расположеніе. Обыкновенно они помѣщаются тамъ же, гдѣ работаютъ: невысокая перегородка отдѣляетъ уголь помѣщенія; нѣтъ даже воды, чтобы вымыть руки. Эти кабинеты служатъ одновременно мѣстомъ для смѣны платья.

Безполезно продолжать описаніе. Синклеръ даетъ еще болѣе отвратительныя детали касательно фабрикаціи народной колбасы изъ испорченнаго мяса, переработаннаго при помощи химическихъ ингредиентов для того, чтобы уничтожить запахъ и дать мясу розовую окраску. Понятно, что коммиссія обратила вниманіе Рузвельта на опасность. Президентъ сообщилъ предварительный рапортъ уполномоченныхъ на конгрессѣ 4-го іюня. Онъ требуетъ выработку законодательства, гарантирующаго серьезный надзоръ за бойнями и фабриками консервовъ; положеніе тѣхъ и другихъ въ Чикаго возмутительно, потребны коренныя измѣненія.

\* \* \*

Что намъ читать? Въ Парижѣ <sup>\*</sup> на дняхъ вышла очень интересная книга Анри Мазеля: «Ce qu'il faut lire dans sa vie».

Всѣмъ уже со школьной скамьи извѣстенъ тотъ канонъ всемірной литературы, начинающійся Библией и Гомеромъ и далеко еще не кончающійся именами великихъ классиковъ, прочитатъ который вмѣняется въ обязанность каждому.

Поэтому по окончаніи училища молодые люди раздѣляются на двѣ половины. Одни, вкусивъ отъ этого плода, предполагаютъ въ качествѣ филологовъ и историковъ найти еще болѣе наслажденій въ этомъ канонѣ; и вотъ черезъ два-три семестра эта наука вошла въ ихъ плоть и кровь, они дѣлаются слѣпыми ко всему окружающему и замыкаются отъ всѣхъ въ своей узкой спеціальности. Другіе же съ головой окунаются къ практическую жизнь, и она властно захватываетъ ихъ въ водоворотъ повседневныхъ работъ и волненій. Много лѣтъ спустя они чувствуютъ утомленіе отъ этой неумолкаемой сутолоки и у нихъ является потребность прочитатъ что-нибудь хорошее. Но что читать? Они обращаются къ первому попавшемуся указателю по литературѣ, и какое разочарованіе! Тамъ на первомъ планѣ они снова находятъ



Библию и Гомера и безчисленное количество другихъ книгъ, имъ вовсе въ данную минуту ненужныхъ. Главный недостатокъ этихъ руководствъ тотъ, что они отталкиваютъ отъ себя серьезнаго человѣка, привыкшаго полагаться на свое собственное сужденіе. Они хотятъ поучать, воспитывать сердце и нравы, они морализируютъ. Такимъ образомъ, прежде всего отъ такого указателя требуется искусство или тактъ не быть педантичнымъ. Большинство изъ нихъ, кромѣ того, страшно скучны, они уже слишкомъ научны въ своей систематизаціи. Они забываютъ, что тотъ, кто уже жилъ практической жизнью, не нуждается въ этомъ, онъ ищетъ намековъ, впечатлѣній и лучше совсѣмъ не станетъ читать, если нельзя обойтись безъ комментаріевъ. Слѣдовательно, дальнѣйшее условіе такихъ руководствъ литературы не быть скучнымъ и не нагромождать ненужнаго матеріала.

Всѣмъ этимъ требованіямъ какъ нельзя лучше удовлетворяетъ трудъ Анри Мазеля. Онъ не морализируетъ, не поучаетъ и главнымъ образомъ онъ нашелъ счастливый методъ: онъ расчленяетъ весь литературный матеріалъ. Для юноши, конечно, лучше всего подходятъ поэмы и изъ нихъ, понятно, не классики, а романтики, потому что онъ самъ въ эти годы полонъ романтизма, въ немъ кипитъ жажда жизни. И вотъ начать надо съ романтиковъ и позднѣйшихъ классиковъ XIX столѣтія. Кто въ эти годы не прочелъ Мюссе, Гюго, Бальзака, тотъ уже никогда не прочтетъ ихъ впослѣдствіи. Надо торопиться читать поэтовъ. И какое завидное настроеніе переживаетъ юноша при чтеніи этихъ писателей! Онъ только-что сталъ свободнымъ, онъ открылъ Парижъ, и этотъ же Парижъ онъ снова находитъ въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ слова, онъ изучаетъ его и научается любить его, а вмѣстѣ съ нимъ и всю страну, свою родину. Такимъ образомъ, принципъ дать читать молодежи то, что ей нравится, достоинъ подражанія. Затѣмъ для того, кто желаетъ читать дальше, рекомендуются великіе столпы всемірной литературы: Толстой, Гофманъ, д'Аннунціо, Зола, Поэ, Ибсенъ. Послѣ этого слѣдуетъ второй періодъ, третій, и такъ до шестого. Медленно разворачивается этотъ свитокъ, рядомъ съ поэтами выступаютъ серьезные писатели и все больше и больше получаютъ значенія. Національная литература остается на первомъ планѣ, но позади ея все шире раскрываются горизонты всемірной литературы. Второй періодъ охватываетъ германскихъ поэтовъ, французскихъ классиковъ, старыхъ историковъ. Въ третій періодъ входятъ великіе греческіе и римскіе поэты и затѣмъ только историки, хроники, политики. Въ четвертомъ періодѣ умъ уже созрѣлъ и наступила пора философовъ. Въ пятомъ (начиная съ 46 лѣтъ) достигнута уже вершина горы, область поэтовъ уже пройдена. Для человѣка, вступающаго въ эти годы въ первые ряды общественной жизни, истиннымъ благодѣяніемъ является чтеніе мемуаровъ, исторіи во всѣхъ ея видахъ, французскихъ философовъ, такъ какъ все это, легкимъ скептицизмомъ очищая его духовный взоръ, позволяетъ ему благодушно смотрѣть на все человѣчество. И, наконецъ, наступаетъ послѣдній періодъ, достигающій до 60-ти-лѣтняго возраста; теперь пришла пора съ вдумчивымъ сознаніемъ взяться за религіозные документы, обратиться къ Евангелію, пророкамъ, псалмамъ, отцамъ церкви и къ Томѣ Аквинскому. Этимъ заканчивается развитіе человѣка.



Въ этой книгѣ съ поразительною яркостью выступаетъ практическій гений французскаго ума: всю лучшую пору жизни онъ предлагаетъ отдать именно жизни, съ ея борьбой, волненіями, страданіями, удовольствіями и наслажденіями, умозрительныя же размышленія оставляетъ покойной старости съ ея тихими воспоминаніями и спокойной созерцательностью.

## V. Искусство—театръ, музыка, живопись и пр.

*О національности въ драматическомъ искусствѣ.—Боязнъ тривиальности въ музыкѣ.*

О національности въ драматическомъ искусствѣ. «Въ теченіе моихъ долгихъ и частыхъ путешествій по разнымъ городамъ Европы и Америки,—пишетъ престарѣлый Т. Сальвини,—я присутствовалъ на многихъ драматическихъ представленіяхъ серьезнаго и веселаго характера, видѣлъ артистокъ и артистовъ разныхъ націй и могъ составить себѣ представленіе о различномъ отношеніи къ искусству многихъ выдающихся артистовъ.

«Можно подумать, что, состоя одинаково изъ кожи, мускуловъ, нервовъ и костей, артисты и понимаютъ искусство, и относятся къ нему всё одинаково. Однако, дѣло обстоитъ иначе: въ отношеніи отдѣльныхъ артистовъ къ искусству видна огромная разница. Можно даже подумать, что артисты принадлежатъ къ разнымъ расамъ, да и не только артисты, но и публика, и авторы.

«Отношеніе всѣхъ ихъ къ искусству зависитъ отъ національности, къ которой они принадлежатъ; каждый передаетъ страсть, которую долженъ изобразить, не только согласно полученному воспитанію и принципамъ, но и крови, текущей въ его жилахъ: сущность пониманія у всѣхъ одна и та же, но форма различна. Любовь, ненависть, ревность, месть, гордость, тщеславіе, надменность, униженіе, стыдливость, честность, раскаяніе и другія чувства въ изображеніи артистовъ понимаются ими весьма различнымъ образомъ и въ весьма разнообразныхъ формахъ: всё эти формы естественны и хороши и соотвѣтствуютъ чувствамъ тѣхъ, которые вращаются въ одной средѣ съ авторомъ и артистами, но являются чуждыми для людей, живущихъ въ другихъ странахъ. По этой причинѣ многія иностранныя произведенія производятъ на разную публику неодинаковое впечатлѣніе, сюжеты ихъ кажутся эксцентричными, неправдоподобными и характеры неестественными.

«Присутствуя на иностранномъ представленіи, даже интеллигентная аудиторія съ трудомъ сможетъ проникнуться страстью, чуждою складу ея характера; она должна безропотно принять развертывающееся передъ нею изображеніе страсти, стремясь перенестись въ родную страну ея и къ характерамъ, представляющимъ ее. Публика можетъ восхищаться идеей и развитіемъ дѣйствія въ произведеніи, хвалить его исполненіе, но лишь съ трудомъ проникнется изображаемою страстью. Посмотрите, на примѣръ, во Франціи комедію съ мѣстнымъ сюжетомъ и характерами. Вы найдете, что комедія прекрасно исполнена, васъ поразитъ художе-